

9. Histoire de l'administration française. Les affaires étrangères... Т. 1. Р. 343.
10. Наполеон восстановил звание «консула» декретом от 22 марта 1806 г.
11. Он принадлежал к семейству, представители которого исполняли консульские функции в Леванте при Старом порядке.
12. Путь в Россию через Черное море перевозили и использовали, в частности, негоданты из Марселя, среди которых был будущий мэром этого города Антуан Антуан (Antoine Anthoine), супруг Роз Клари - сестры знаменитой Дезире Клари, предмета увлечения молодого Бонапарта. См.: *Dioque G. Un Haut-Alpin à Marseille. Le baron Anthoine (1749 - 1826) : du grand négociant à la mairie.* Paris: Société d'études des Hautes-Alpes, 1991. Р. 67 - 130.
13. См.: *Sirotkine V. Le renouvellement en 1802 du traité de commerce franco-russe de 1787 // La Russie et l'Europe (XVIe-XXe siècle).* Paris : SEVPEN, 1970. Р. 69 - 101; *Kraatz A. Le commerce franco-russe...* Р. 178 - 180.
14. См. донесение Ж.-Б. де Лессепа, цитированное в работе: *Kraatz A. Le commerce franco-russe...* Р. 182.
15. Первым консулом в Риге был Бийо, которого вскоре сменил Саде.
16. *Kraatz A. Le commerce franco-russe...* Р. 9.

А.В. Бодров.

Уроки немецкого: к вопросу об изучении германского опыта во Франции после 1871 г. (*)

После 1871 г. во Франции не было недостатка сочинений, призывающих к самым широким реформам чуть ли не во всех сферах ее общественной и духовной жизни. Поражение, понесенное от германских армий, выявило серьезное отставание страны не только в ее сугубо военном развитии. Итоги войны сделали Германию «наиболее вероятным противником» и в то же самое время образцом, который отныне надлежало изучать и с которым приходилось сверяться.

Именно к этому, в частности, призывал в одной из своих статей французский историк Альбер Сорель. Он сетовал, что и после «жесточкого урока» войны большинство нации по-прежнему погружено «в достойное сожаления неведение. Оно замыкается в самом себе, увлекается часто еще своими достоинствами, нежели недостатками, обманывается в своих силах, поскольку не знает о силах соперников», а между тем, «народ, желающий возвышаться, больше не может быть погружен в самого себя», он должен иметь развитое и просвещенное общественное мнение /1/.

Примером такого интереса к происходящему за границами собственного Отечества Сорель призывал взять немцев. Одним из серьезных препятствий, однако, было то, что во Франции знания иностранных языков были недостаточно востребованы. Германские газеты и журналы мало кем читались во Франции. Из них становились известны только те отрывки, которые французская пресса цитировала для полемики /2/. Во всем огромном Париже, претендующем на звание мировой столицы, едва ли можно было найти и два десятка кафе, где посетителям предлагалась бы хоть какая-нибудь иностранная газета /3/. Довольно курьезно, но такая ситуация составляла настоящую проблему для пресс-атташе германского посольства во Франции Ру-

дольфа Линдау, в задачи которого входило воздействие на французское общественное мнение. Из всех германских газет в парижских кафе и читальных кабинетах можно было отыскать только «Kölnische Zeitung» и «Augsburger Allgemeine Zeitung» и ни одной собственно берлинской газеты /4/. Таким образом, живя даже в Париже, при всем желании было довольно трудно получить реалистичное представление о ситуации по ту сторону Вогезов.

Такое положение отчасти объясняет число французских писателей и ученых, устремившихся в первые же годы после войны в Германию для ее «исследования», несмотря всю остроту франко-германских национальных противоречий. Общее число французов, отправившихся после 1871 г. в Германию в целях изучения ее достижений, языка и культуры, оценить невероятно трудно. Одна из причин этого кроется в том, что с 1866 г. для поездки в Германию становится не нужен заграничный паспорт. С учетом того, что за 1850 - 1860-е гг. Рейн во все возрастающей прогрессии пересекло более 100 тыс. французов, для следующих пятидесяти лет счет должен вестись на сотни тысяч, если ни на миллионы поездок. Но и та литература, что дошла до нас на их основе, позволяет заключить, непосредственное изучение германского опыта становится по-настоящему массовым явлением.

Как уже отмечалось, после 1870 г. влияние Германия на развитие Франции было необычайно велико и воздействовало на соседку отнюдь не только на уровне политики и дипломатии /5/. Германский опыт становится своеобразным императивом также и в том, что касалось развития социальной сферы страны, ее здравоохранения, науки и образования. Образование указано в этом ряду последним, но вовсе не по значению. Крылатые слова известного географа Оскара Пешеля (впоследствии приписываемые то О. фон Бисмарку, то Г. фон Мольтке) о решающей роли в войне народного образования: «когда пруссаки победили австрийцев, то это была победа прусского школьного учителя над австрийским учителем» /6/, в равной мере были отнесены во

Франции и к прусской победе 1870 г. Не ставя перед собой задачи в рамках данного сообщения систематически изложить все грани дискуссии, связанной с реформой образования и борьбой вокруг правительственных постановлений Третьей республики, отметим лишь ряд показательных моментов, указывающих на место в ней Германии.

В силу всего вышесказанного неудивительно, что одной из первых «за парты» пришлось сесть французской армии. Военные преобразования во Франции после 1871 г. приняли форму широкого заимствования прусского опыта: от введения всеобщей воинской повинности и общей организации армии по 18 территориальным округам вплоть до регламентов о компенсациях крестьянам за потраву полей во время военных маневров. Показательны слова одного из допущенных осенью 1875 г. на военные маневры в Германию французских представителей, адресованные Вильгельму I: «Ваше Величество, единственная цель нашего приезда сюда - учиться» /7/. В этой связи настоятельной необходимостью стало скорейшее освоение языка своего противника. По воспоминаниям генерала Луи Анриона, после 1871 г. изучение немецкого языка было объявлено обязательным для всех офицеров и унтер-офицеров французской армии, не исключая тех, кто вот-вот должен был выйти в отставку по возрасту /8/. Не миновали новые веяния и программы военных школ. Знаменитая Сен-Сирская военная школа на своих вступительных испытаниях в 1870-е гг. присваивала немецкому языку коэффициент «15», тогда как, скажем, физической подготовке лишь «6». Более того, военное министерство после 1871 г. изначально отвело курсу немецкого чуть ли не самое значимое место в обучении в стенах Сен-Сира, вынудив руководство школы добиваться ликвидации такого перекаса. «Жертвой» экспансии немецкого в учебных планах стал английский язык /9/.

Серьезность подхода к изучению немецкого языка подкреплялась практикой отправки французских офицеров в Германию на одну-двух месячную стажировку. Для отправляемых в Германию младших лейтенантов (их доля была весьма велика),

такая стажировка рассматривалась в качестве важного дополнения к завершеному во Франции обучению, для старших офицеров поездки носили, безусловно, прежде всего разведывательный характер. Число поездок, совершаемых за счет стипендии военного министерства, было значительным. К сожалению, в архиве Исторической службы министерства обороны Франции сохранились рапорты командированных только за 1880 - 1887 гг., но их число - около 120 - позволяет получить достаточно полное представление о данной практике, введенной главой французского Генштаба генералом О. Бло /10/. В 1881 - 1884 гг. границу Германии пересекало с образовательно-разведывательной программой министерства на руках в среднем от 15 до 20 французских офицеров /11/.

Подготовка к будущему противостоянию с Германией, однако, не ограничивалась военными учреждениями. В сфере народного образования наглядным образом это показывала деятельность во Франции так называемой «Лиги образования» (1866 г.), насчитывавшей к 1877 г. в своих рядах не менее 60 тыс. членов. Ее девиз: «За родину, книгой и шпагой» наглядно показывал, что грань между гражданским и военным воспитанием становилась все более тонкой.

Как уже было сказано, во Франции только в 1870-е гг. вышло немало работ, призывающих к реформе образования и прямо апеллирующих к германскому опыту. Все они так или иначе обращались к вопросам о месте религии в образовании, нравственного и отвечающего духу современности воспитания, возрождающего идеалы гражданственности. В числе авторов можно назвать таких видных представителей французской науки, как Жюль Симон, Габриэль Моно, Феликс Дельтур, Гастон Буассье, Селестин Иппо, Альфонс Рабьер, Альфред Вайль. Отдельно, пожалуй, в этом ряду стоит выделить Мишеля Бреалья и Эрнеста Лависса, проводивших немало времени в Германии в целях ее изучения и сыгравших большую роль в становлении образовательной системы Третьей республики .

Мишель Бреаль, французский лингвист и филолог, автор

400-страничных «Нескольких слов о народном просвещении во Франции» (1872), летом 1873 г. совершил специальное путешествие в Германию с целью изучения ее образовательных учреждений. Он был согласен с мыслью о том, что германская школа разделяла лавры победы над Францией в недавней войне, и открыто выражал свое восхищение немецкой педагогикой. В своих статьях в «Revue des Deux Mondes» (журнале патристической, но антиреспубликанской направленности) он констатировал, что германская наука «спустилась на землю», а «германское образование <...> вооружает не только для жизненных баталей, но и для исторической борьбы наций и рас» /12/. Исходя из этого, Бреаль считал настоятельной необходимостью для французского образования увеличить долю современных иностранных языков за счет языков древних, расширить преподавание отечественной истории и истории нового времени зарубежных стран.

Эрнест Лависс в полной мере разделял призывы Бреалья. В 1872 г. он принял решение отправиться в только что объединенную Германию и приступить там к трехлетней работе над диссертацией, посвященной истории Бранденбургского княжества во времена правления династии Асканиев. Выбор темы с самого начала подразумевал то, что Лависс руководствовался не одними исключительно научными целями. В меньшей степени его интересовала современная Германия, секрет ее успехов, не исключая и роль в этих успехах германского просвещения и науки. Замысел своих статей в том же «Revue des Deux Mondes» Лависс раскрывал читателям весьма откровенно: «Полезно, чтобы мы знали раны нашего врага, чтобы наш рассудок, скорый впадать в крайности, не представлял Германию спокойным и процветающим Эдемом, в котором не приходится бороться с теми социальными и политическими трудностями, с которыми боремся мы» /13/.

Бреаль и Лависс займут видные позиции в соответствующих институтах Третьей республики: Бреаль в 1876 г. станет директором Школы высших исследований, с 1879 по 1888 гг.

будет занимать пост генерального инспектора учреждений высшего образования Франции. Эрнест Лависс, помимо работы над знаменитым учебником по истории Франции, в 1878 г. вместе с Эрнестом Ренаном и Эмилем Бутми организует «Общество высшего образования» и добьется существенных изменений в системе французской высшей школы. Уже в 1890-е гг. он активно выступит в пользу развития во Франции региональных университетов - опять же, по образу и подобию Германии.

Как известно, первые серьезные сдвиги в указанном Брелем и Лависсом направлении произошли в отношении французской начальной школы и связаны были с деятельностью Жюльера Ферри. Законы Ферри 1881 - 1882 гг., делавшие французское начальное образование бесплатным, обязательным и светским, в полной мере отвечали германскому опыту. Большие трудности встретили попытки изменения программы в области «классического образования». Однако следует отметить, что во Франции с первых лет существования Третьей республики все большее распространение получают так называемые «первоначальные высшие школы» (*écoles primaires supérieures*), дававшие «реальное» образование (то есть образование с практической направленностью) и напрямую копировавшие немецкие «*Real-schulen*». К 1890 г. во Франции было уже 296 таких школ /14/. Одним из их отличий было изучение современных языков вместо древних классических. Тем не менее, несмотря на все призывы к реформам, число кафедр немецкого языка во французских университетах оставалось невелико: к 1885 г. на шестнадцать факультетов филологии таковых насчитывалось лишь пять /15/.

Впрочем, возвращаясь к вопросу об изучении немецкого языка во Франции, следует отметить и широкую практику частных уроков, не учитывавшихся академической статистикой, но зафиксированных биографиями выдающихся французов той эпохи. Так с прозаической целью выучить немецкий язык в феврале 1875 г. приехал в Штутгарт Артюр Рамбо, покончивший к тому времени с ремеслом поэта. Систематическим занятиям языку в доме бывшего пастора Эрнста Вагнера, потерявшего в

франко-прусской войне сына, помешает появление Поля Верлена, но впоследствии Рамбо еще дважды будет приезжать в Германию и даже предпримет безуспешную попытку наняться в немецкую торговую компанию /16/.

Как отмечал французский исследователь К. Дижон, если до 1870 г. поездка на учебу в Германию зачастую была демонстрацией определенной независимости и неприятия отечественной системы образования, то после поражения в войне - проявлением патриотических чувств, практикой, поддерживаемой (в том числе и финансово) государством /17/. В 1874 г. при министерстве народного просвещения Франции была создана специальная комиссия для рассмотрения заявок на заграничную поездку в образовательных и научных целях и предоставления соответствующих денежных стипендий. Число заявок было весьма значительным. Так, в 1890 - 1913 гг. в комиссию было подано 769 заявлений, из них примерно по 10 % - на поездку в Германию и Италию. Чуть более половины прошений было удовлетворено. В числе наиболее известных получателей грантов министерства можно назвать историка Шарля Сеньобоса (в 1877 - 1879 гг. изучал методы преподавания истории в германских университетах) и социолога Эмиля Дюркгейма (в 1885 - 1886 гг. ознакомился с состоянием исследований и преподавания в Германии философии и социальных наук) /18/. Изменились и цели: изучению немецкого языка и культуры теперь неизменно придавался характер патриотического долга.

Тем не менее, дискуссия вокруг проблемы модернизации системы французского образования началась еще до оформления политической победы республиканцев на внутренней арене и потому не должна отождествляться исключительно с задачей «республиканского и патриотического воспитания». Это неудивительно, поскольку именно реформа образования, от начальной до высшей школы, должна была естественным образом составить основание переустройства нации, к которому после 1871 г. призывали приверженцы самых разных политических идеалов.

Безусловно, следует учитывать замечание Т. Зелдена о том, что в области образования, равно как и в области политики, во Франции никогда не было недостатка в оригинальных идеях, проектах и призывах к реформам, но весьма немногие из них получали силу правительственных постановлений и еще меньше - реальное воплощение на практике /19/. Однако отличие от предшествующего времени состояло в том, что образование из проблемы, которой отдельные авторы время от времени посвящали книги и статьи, превратилось в одну из основ широкого реформаторского движения, захватившего и высших государственных функционеров. Третья республика активно направляла и поощряла изучение иностранного опыта. Особенностью же стало то, что поток французских интеллектуалов в Германию, глубокий интерес к ее порядкам и призывы к их насаждению на родной почве более не были связаны с проявлением германофильства. Как перефразировал процитированную выше мысль Оскара Пешеля французский историк Жан-Мари Майор, «Прусский учитель обеспечил победу своей Родине, учитель Французской республики подготовил реванш» /20/.

(*) Сообщение подготовлено на основе материалов, изученных в рамках краткосрочной научной командировки во Францию по гранту Франко-русского центра гуманитарных и общественных наук в Москве.

1. Sorel A. La presse allemande en 1873 á propos de la France//RDM. 1873. 1 Avril. 2nd Période. Tome 104. P. 712 - 714.
2. Ibid. P. 711.
3. Нордау М. Из действительной страны миллиардов. Парижские этюды и очерки / Пер. с нем. Тт. 1 - 2. СПб., 1879. С. 100.
4. Naujoks E. Rudolf Lindau und die Neurientierung der auswärtigen Pressepolitik Bismarcks (1871 - 1878) // Historische Zeitschrift. 1972. Band 215. Heft 2. S. 333.
5. См., прежде всего, работы американского историка Алана Митчелла: Mitchell A. The German influence in France after 1870: The formation of the French Republic. Chapel Hill, 1979; Idem. Victors and vanquished: The German Influence on Army and Church in France after 1870. Chapel

Hill, 1984; Idem. The Divided Path: The German Influence on Social Reform in France after 1870. Chapel Hill and London, 1991; Idem. A Stranger in Paris: Germany's Role in Republican France, 1870 - 1940. N.Y.- Oxford, 2006; Idem. The Great Train Race: Railways and the Franco-German rivalry, 1815 - 1914. N.Y.- Oxford, 2006.

6. Georg Büchmann. Geflügelte Worte: Der Citatenschatz des deutschen Volkes / 18. Aufl. Berlin: Haude und Spener Buchhandlung (F. Weidling), 1895. S. 483.

7. Цит. по: Henrey, R. (Ed.) Letters from Paris, 1870-1875, written by C. de B., a political informant to the head of the London House of Rothschild. London: J.M. Dent, [1942].

8. Hanrion L. Général. Saint-Cyr: Neuf Années de Commandement, 1871-1880. Paris, 1888. P. 201.

9. Ibid.

10. 1 M (Mémoires et Reconnaissances) 1545 - 1548 - Service historique de la defense/Département de l'Armée de Terre (SHD/DAT, бывший S.H.A.T.): Reconnaissances - Allemagne, 1880 - 1898.

11. Подробнее см.: Barbey-Say, H. Le voyage de France en Allemagne de 1871 a 1914. Nancy, 1994. P. 183 - 195.

12. Bréal M. Souvenirs d'un voyage scolaire en Allemagne. Le patriotisme dans l'enseignement//Revue des Deux Mondes (далее RDM), 1 Janv. 1875. 3ème Période. Tome 7. P. 54. См. также: Ibid. Le baccalauréat allemande //RDM, 15 Nov. 1873. 2ème Période. Tome 108. P. 440 - 452; Ibid. La re-organization de l'enseignement supérieur//RDM, 15 Febr. 1877. 3ème Période. Tome 19. P. 892 - 920.

13. Lavissee E. L'émigration allemande//Revue des Deux Mondes. 1874. 1 Janvier. P. 215. Статьи Лависса о Германской империи позднее выйдут отдельным изданием: Lavissee E. Essais sur l'Allemagne imperiale. Paris: Hachette, 1888.

14. Zeldin, Th. A History of French Passions 1848 - 1945: Intellect, Taste and Anxiety. Oxford: Oxford University Press, 1977. P. 192.

15. Trouillet B. "Der Sieg des deutschen Schulmeisters" und seine Folgen für Frankreich, 1870 - 1914. Köln, 1991. S. 60. Подробнее о преподавании немецкого во Франции см.: Mombert, M. L'enseignement de l'allemand en France 1880 - 1918: Entre «modèle allemand» et «langue de l'ennemi». Strasbourg, 2001.

16. См. Harbusch, U. Arthur Rambaud in Stuttgart (1875) // Spuren, 51,

2000. S. 1 - 15.

17. Digeon Cl. La crise allemande de la pensée française (1870 - 1914). Paris, 1959. P. 375.

18. Barbey-Say, H. Op. cit. P. 148 - 149.

19. Zeldin, Th.Op. cit. P. 198, 203.

20. Mayeur J.-M. Les débuts de la IIIe République, 1871 - 1898. Paris: Ed. du Seuil, 1973 (Collection Points). P. 114.

М. А. Катцова

Образование Северных Ассоциаций и их роль в становлении сотрудничества скандинавских стран и Финляндии в 1920-е гг.

Северное сотрудничество как новое направление во внешней политике скандинавских стран и Финляндии получило первые стимулы для своего развития после окончания Первой мировой войны. Успешное испытание скандинавской политики нейтралитета, разрядка в шведско-норвежских отношениях, а также совместные экономические задачи - усилившиеся в военные годы товарообмен и торговля - внесли изменение в международный климат Северной Европы и позволили скандинавским политикам в 1918 г. по-новому подойти к неоднократно уже поднимавшемуся вопросу о создании межнациональной региональной организации /1/.

В условиях войны «скандинавизм» как идейная основа североевропейского единства получил новую трактовку, что повлекло за собой первые мероприятия политического характера. Демонстративные встречи трех скандинавских монархов в Мальмё (1914 г.) и Кристиании (1917 г.), в частности, не только подтвердили скандинавский нейтралитет в качестве общей черты внешней политики региона, но и выявили более глубокое единство трех стран в опасное время, развеяв атмосферу недоверия, сохранявшуюся с 1905 г. /2/. Неудивительно, что по окончании войны предложения по укреплению скандинавской солидарности стали поступать одно за другим /3/. Если масштабные проекты на государственном уровне оказались в межвоенный период менее жизнеспособными из-за отсутствия, главным образом, прямой военной угрозы Скандинавии /4/, то некоторые частные инициативы нашли свое практическое применение, причем на государственном уровне. Так, основанная в 1918 - 1919 гг. сеть «Северных Ассоциаций» /5/ оказалась успешнее и долговечнее других, и вот уже 90 лет расширяющееся сотруд-